

Гражданин Пушкиногорья

Соб. к 100-летию 1988
13 февраля 85

Удивительными людьми держится мир, его история, его культура. Удивительные люди встречаются нечасто, но все-таки встречаются, и от общения с ними, от их присутствия в нашей жизни хочется жить, творить, верить. Тратить себя полной и целесообразней...

Это правда: не место красит человека, а человек место. Но иногда и само место очарованием своим благоденствует человека, делает его лучше, выше, значительнее. Прекрасны в северо-западной полосе России пушкинские места — это древняя земля, густо заселенная костями и политая кровью доблестных наших предков. Есть в этих бесконечных холмах и курганах, поросших сосновыми перелесками и березовыми рощами, заглядывающих в тишистые воды бесчисленных озер западных отрогов Валдайской возвышенности особая, умудряющая и уравновешивающая человека красота.

Эти места когда-то очаровали нашего Пушкина, а он очаровал ими нас в своих стихах. Не будь в судьбе Пушкина Михайловского, у нас, наверное, не было бы того Пушкина, которым мы дышим с детства.

Рядовой минометного расчета Семен Гейченко не дошел до Пушкинских гор и не участвовал в боях за эту святую землю. Его тяжело ранило под Новгородом. Форсировать Великую и Сорочь, штурмовать Тригорское и Михайловское пришлось другим.

А бои в этих местах были жестокие: какое дело было фашистам до святыни русской культуры! Под знаменитым дубом в Тригорском, под тем самым дубом, при виде которого губы невольно шепчут: «У лукоморья дуб зеленый...» — они сделали блиндаж. Само Михайловское было превращено в узел обороны, парк перерыл ходами сообщения, в доме Пушкина была огневая позиция. Колокольня в Святогорском монастыре была взорвана, а могила Пушкина заминирована. Вместо заповедника — пустыня. Рваная, незатянувшаяся рана, боль и мертвая тишина...

Стоял апрель 1945 года. В это время на случайных попутных машинах, с вещмешком за плечами, по развешенной, перевороченной железным тараном войны дороге и приехал в Пушкинские горы Семен Степанович Гейченко. Приехал, чтобы остаться здесь навсегда. Никаких «или» не могло быть. Только навсегда!

Все было растащено, разгромлено, разворовано фашистами. Но директор заповед-

ника и люди, работающие с ним, верили святой верой в то, что все будет так, как было, и не жалели для этого сил, работая от зари и до зари.

В 1949 году был отстроен дом Пушкина и состоялось торжественное открытие заповедника.

Я хорошо помню тот день пушкинского народного праздника. Я нарочно подчеркиваю, народного, потому что в этот

благословенный день, наполненный солнцем и грозами, ливнями света и радугами, свистом птиц и пересверком молний, всех — и почетного академика, и колхозника — объединяла одна святая любовь к чуду своего народа, к чуду своего языка — к вечно-му Пушкину.

Со всех континентов на это неумирающее торжество поэзии съехались поэты, и их слушала праздничная толпа людей и в самом Святогорье, около могилы поэта, и в Михайловском, на широком лугу, у входа в усадьбу.

И среди этой притихшей, зачарованной толпы то тут, то там мелькала сухая высокая фигура резкого в движениях человека с выразительным острым лицом, с доброй улыбкой и густым напылом русских волос, спадающих на глаза. Он то и дело поправлял их или единственной правой рукой, или характерным взмахом головы. Он объяснял, советовал, показывал. И незримое чувство удовлетворенности содеянным, может быть, даже не осознанное, делало его прекрасным.

Я залюбовался им.

Потом жизнь подарила мне Семена Степановича в друзья. И от этой дружбы я стал богаче, уверенней в жизни, наполненней.

И сам Пушкин стал для меня другим, куда более глубоким и многообразным, куда более трагическим в своем одиночестве. Только здесь во всей полноте я понял, насколько Пушкин народен.

Сколько раз я бывал в Михайловском, мне теперь уже и не припомнить. Я ездил туда ежегодно и зимой, и летом, и ранней весной, и в пору золотой осени. Ездил как к себе домой. Мне всегда там хорошо работалось, хорошо думалось.

Семен Степанович действительно знает Пушкина как никто. Знает по-своему. В его отлично систематизированном, уникальном по своим материалам архиве собраны рассказы старожилов обо всем, что касается жизни и самого поэта, и его друзей. В поисках этих материалов была искожена и изъезжена вдоль и поперек вся округа и самого Пушкиногорского района, и Себежского, и Новоржевского.

Семен Степанович стал в этих местах своим человеком, заслужившим по достоинству и уважение, и доверие. Он посвятил Пушкину свою судьбу, талант, страсть. Ради этого и живет хранитель Пушкиногорья, редкостный человек — Семен Степанович Гейченко.

Однажды мы открыли для себя еще и писателя Гейченко. И лишний раз убедился в том, что одаренность, талантливость никогда не бывают односторонними. Мы узнали в нем писателя доброго, наделенного редким умением видеть не только факты, но и «назначать» работу там, где кончается документ, умеющего домысливать, воображать, — писателя, знающего и понимающего великое чудо жизни.

Выдержала несколько изданий его книга «У лукоморья», мгновенно нашла своего читателя и книга «Пушкиногорье». Сейчас он пишет новую, о тех, кто в разные годы приезжал в заповедник поклониться Пушкину. Назвать ее хочет «Гости».

14 февраля Семену Степановичу исполнится 85 лет. Так случилось, что нынче в этот день я не сумею приехать в Михайловское. Издали благодарно низко кланяться Семену Степановичу за все им свершенное и задуманное.

Михаил ДУДИН.
ЛЕНИНГРАД.

● С. Гейченко.
Фото В. Ахломова.